

Человек против новой инквизиции в романе Ю.О. Домбровского "Факультет ненужных вещей"

В «Факультете ненужных вещей» хорошо отлаженной машине государственного террора противостоит один Зыбин. Он в неволе еще лучше сознает ценность свободы, не только внешней, гражданской, но и внутренней, духовной, и сохраняет ее, несмотря на все муки, отказываясь признать свою несуществующую вину. Герой Домбровского даже находит силы издеваться над следователями. Зыбина пытаются склонить к признанию и посулами и угрозами, «злые» следователи сменяются «добрыми», и наоборот. Однако подследственный умело водит всех их за нос, иногда «признается» в малом, чтобы отвести от себя политические обвинения и иметь возможность потом отказаться от «признания» в народном суде, а не попасть под бессудный приговор Особого совещания. (Тогда говорили: на нет суда нет, а есть Особое присутствие.) Нет, Зыбин не отказывается от какого-то диалога со следствием, ведет с ним сложную игру, но при этом никогда не предает товарищей. И в конце концов одерживает победу. Обстановка в центре, в Москве, изменилась, пришло новое руководство в НКВД, создается видимость перемен, и так и не сломленного алма-атинского узника выпускают на свободу.

Стойкость Зыбина потрясла даже следователя майора Якова Абрамовича Неймана (его прототипом послужил известный писатель и следователь Лев Шейнин) и даже до некоторой степени способствовала его нравственному перерождению. Уволенный из НКВД в результате происшедшей «смены караула», Нейман в финале находит злосчастное золото и способствует освобождению Зыбина.

В «Факультете ненужных вещей» есть другой герой, друг Зыбина, археолог Корнилов, выбравший иной, чем Георгий Николаевич, путь. Корнилова завербовало НКВД. Он, не выдержав шантажа, стал осведомителем, повторив судьбу Иуды Искариота. В заключительной сцене романа мы видим картину, которую рисует ссыльный художник Калмыков с Зыбина, Неймана и Корнилова: «Так на веки вечные на квадратном кусочке картона и остались эти трое: выгнанный следователь, пьяный осведомитель по кличке Овод (все, видно, времена нуждаются в своем Оводе) и тот, третий, без кого эти двое существовать не могли». И завершает роман автор совсем уж библейской по стилю фразой: «А случилась вся эта невеселая история в лето от

рождения вождя народов Иосифа Виссарионовича Сталина пятьдесят восьмое, а от рождества Христова в тысяча девятьсот тридцать седьмой недобрый, жаркий и чреватый страшным будущим год». Зыбин уподоблен Иисусу Христу, принявшему крестные муки, а Нейман и Корнилов — двум евангельским разбойникам, распятым вместе со Спасителем, причем бывший археолог и настоящий сексот — нераскаившемуся, а отставной следователь НКВД — раскаявшемуся. Сталин же здесь — новый царь Ирод и воплощение антихриста. Поведение главного героя романа уподоблено Страстям Господним, его подвиг — подвигу Христа, победе, пусть в малом, над «князем тьмы», кровавым советским диктатором.